

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПЛЕМЕН «РИГВЕДЫ» В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА

РЕЦ. НА КНИГУ: КОСННАР R. THE VEDIC PEOPLE. THEIR HISTORY AND
GEOGRAPHY. – NEW DEHLI : ORIENT BLACKSWAN PRIVATE LIMITED, 2009. – 259 p.

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 декабря 2012 г.

Происхождение ведических ариев, поиски их материальной культуры, как в Северо-Западной Индии, так и на территории степных и лесостепных широт Евразии к востоку от Карпат; попытки выяснения места занимаемого их языком в среде носителей греко-индоиранской культурной и языковой общности и шире – у племен ИЕ общности вообще; наконец, неоднократные попытки по вскрытию исторической информации в древнейшем памятнике эпической поэзии Южной Азии и ее наложения на данные археологии с целью определения прародины создателей Ригведы – все это актуальнейшие проблемы современного комплекса гуманитарных и естественных наук, насчитывающих к настоящему времени 200 лет истории развития исследовательского поиска в данной области.

Среди различных, предложенных в науке к началу XXI в. подходов и решений, как свидетельствуют многочисленные, определившие их содержание, публикации и дискуссии, на текущее время определились две диаметрально противоположные, непримиримые и взаимоисключающие точки зрения. Согласно одной из них прародиной индоариев, как и индоевропейцев вообще, являлся Индостан (так называемая теория исхода из Индии – колыбели цивилизации) – концепция, которая разделяется большинством индийских и некоторыми европейскими археологами, историками и лингвистами. В самое последнее время они, опираясь на принципы, отображенные в геометрии Шульвасутр, археоастрономические идентификации времени битвы 10 царей и сражения при Курукшетре, на определении космофотографией полного высыхания р. Сарасвати, а также исходя из убеждения о точности генеалогической хронологии списков династий в Пуранах, подкрепляемой результатами радиоуглеродной датировки так называемой «головой Вашиштхи» (3700 г. до н.э.), пришли к убеждению об индоарийской, ведической природе и содержании памятников Хараппской (или Индо-Сарасватской)

цивилизации. При всей привлекательности перечисленных оценок и самого подхода его слабыми местами являются непонимание специфики морфологической структуры основных источников, пренебрежение законами отображения исторической информации в древней мифологии, эпической поэзии и литературной традиции вообще, Древней Индии в частности (Н. С. Раджарам, Шр. Таладжер, Кл. Клостермайер, Н. Казанас, Э. Кюенраад, А. Парпола). Но самое важное, как показал анализ аргументации сторонников данной концепции в последние годы, именно археологические аргументы в ней оставляют желать лучшего.

Согласно другой, миграционистской теории, впервые предложенной в археологии еще в позапрошлом веке германским лингвистом О. Шрадером, разработанной в трудах его соотечественника Г. Косинны и воспринятой основоположником индологии М. Мюллером, – никакого исхода из Индии никогда не было. Напротив, как полагают «уставшие», по определению Л. С. Клейна, от методологий автохтонизма, диффузии и конвергенции ее сторонники, индоарии проникали в Северо-Западную Индию на протяжении длительного времени, представляя собой несколько потоков мигрировавших сюда лесостепных и степных евразийских этносов пастухов-скотоводов. В доказательство они (например, М. Витцель) приводят синхронность фактов калиброванной и глоттохронологической датировки в археологии, постепенное нарастание индоиранского компонента материальной культуры сначала на дальних подступах к Северо-Западной Индии и Ирану (Абашево, Срубная общность, Аркаим-Синташта, Андронов, Тоголок-21, БМАК и др.), а затем уже и в самих этих регионах (Мергара, культура Свата, могильник Н и др.), находя определенное сходство их взаимодействия с культурой Хараппы, с тем, что характеризовало завоевание ахейцами Минойского Крита. Самой сильной стороной продолжателей миграционистской теории являются данные лингвистики, впитавшие в себя сложный, многоступенчатый, противоречивый, воз-

вратно-поступательный процесс взаимодействия ариев-мигрантов и ведических ариев со своими соседями, что неизбежно сказывалось на эволюции их материальной и духовной культуры, изменявшейся как по пути приближения ее носителей к долине р. Инд, так и на территории Северо-Западной Индии (особенно в Пенджабе).

Временами полемика по этому вопросу принимала «националистическую» окраску, вне зависимости от концептуальной ориентации представителей разных научных направлений. Но в целом объективное развитие исследований в области названной проблематики, основывающееся в первую очередь на анализе конкретных источников, постепенно сказалось на формировании признаваемых большинством специалистов принципов подлинно научного понимания отложившейся в них информации и тем самым способствовало развитию взвешенного подхода к их исторической интерпретации и реконструкции.

К этому разряду следует отнести и рецензируемый обобщающий труд индийского ученого Раджеша Коччара «Ведические племена. Их история и география», вышедший не так давно из печати третьим изданием и получивший к этому времени положительную оценку ведущих специалистов мира.

Рецензируемый труд состоит из 11 разделов, каждый из которых посвящен анализу конкретных вопросов, сформулированных его автором в предисловии: где и когда была создана Ригведа; каковы взаимоотношения между племенами ведических ариев и носителями культуры Хараппы; были ли они одним и тем же или разными народами; разрушили ли арии эту цивилизацию или заполнили образовавшийся вакуум после ее падения; бедна ли мифологией историческая традиция в Пуранах, или она в них является вновь созданной; когда состоялась главная битва «Махабхараты»; почему археологические памятники типа Хастинапура и Ахиччатры, родственные по названиям одноименным городам в эпической поэме, являются более древними и не моложе, чем памятники типа Айодхья и Шрингаверапура.

По глубокому убеждению автора, все эти вопросы составляют основу изучения древней истории Индии. В связи с этим особое внимание автором уделено поиску оптимальной интерпретации исторических реалий, отложившихся в произведениях ведической литературы, Пуранах, эпических индийских поэмах (Махабхарате и Рамаяне) и в тексте «Авесты» в глобальном, по определению автора, контексте данных археологии, истории природы, истории металлургии, астрономии, геологии и генетики. Исходя из специфической оценки законов развития природы и общества как индикаторов нескончаемого и притом однолинейного потока времени, Р. Коччар формулирует и свой основной подход к изучаемой проблематике.

По глубокому убеждению Коччара, история как общественный процесс вообще не дает никаких доказательств, а представляет только иллюстрации. Вот почему, как полагает автор, неопределенности в истории заключаются не в значимости событий, а в них самих (с. 2). И, тем не менее, опираясь на такой не совсем верный постулат, автор, понимая закономерность возникновения новых проблем в связи с постоянным введением в научный оборот новейших фактов, формулирует вполне адекватное понимание поставленной перед собой задачи – реконструкция прошлого на основе синтеза всей совокупности отложившихся в источниках фактов. Последнее, на основании их согласования с конкретными памятниками при рассмотрении отдельных аспектов, по убеждению историка, позволяет свести к минимуму число допустимых теорий, базирующихся на твердой почве индо-иранской традиции и данных археологии, благодаря чему реконструкция исторического процесса расселения и начальных этапов истории ведических ариев в Индии становится индифферентной по отношению к имеющимся в настоящее время политическим или расовым «теориям».

Знакомство с основными подходами, представленными в рецензируемом монографическом исследовании, наводит на мысль, что в качестве таковой он рассматривает свое собственное видение ведической проблематики в целом: определение точных археологических, языковых, историко-культурных и хронологических индикаторов, указывающих на длительный период формирования ведийской культуры на территории Индии, занесенной сюда двумя волнами мигрантов из Евразийских степей (2600–1400 г. до н.э.), но окончательно оформившейся только в результате заимствований и растворении в культуре Поздней Хараппы.

Понятно, что основное внимание автор рецензируемого труда посвятил оценке своего основного источника – памятников ведийской литературы. Последнее вполне объяснимо. Ведическая литература уникальна как особое явление во всей относящейся к эпохе древности мировой литературе. Ее основное содержание составляет масштабная мифология, отличающаяся от мифологий своих индоевропейских собратьев объемом, разнообразием жанров, множеством вариативных сюжетов, отсутствием хронологии, а следовательно, и последовательного изложения событий во времени и пространстве, которые она по большей своей части начисто игнорировала. Более того, в ней отсутствуют сами представления о связи времен и временной взаимосвязи явлений, т.е. об истории как общественном процессе.

На вскрытие и декодирование отложившейся в ней исторической информации существенное воздействие оказало то, что европейская наука познако-

милась с письменными вариантами сказаний, столетиями существовавших в устной форме, восходящими к Средневековью. При этом оказалось, что поздние произведения ведийской литературы оказались записанными раньше, а ранние – позднее. К этому следует добавить, что одни и те же сюжеты и топонимы можно встретить в памятниках, относящихся к разным временам и литературным жанрам. Неоднократно предпринимавшиеся попытки восстановить на таких вневременных источниках объективный исторический процесс всегда носили гипотетический, по большей части, субъективный и время от времени тенденциозный характер как в отношении группировки источника, так и процесса периодизации социального и культурного развития общества ведических ариев в Древней Индии.

Вместе с тем географические, этнические и социальные реалии «Ригведы» указывают на локализацию ареала ее создателей на территории северной части субконтинента, не переходящей за водораздел Инда и Ганга, памятники которых перекрывают остатки цивилизаций Хараппы и Мохенджо-даро, что в самое последнее время удалось выявить благодаря археологическим раскопкам протоиндийских памятников в Афганистане и Индии. От этого – новый импульс осмысления имевших место проблем и предложенных в науке их решений. Рецензируемый труд Р. Коччара свидетельствует о его восприятии индийским ученым.

Исследователь исходит из убеждения, согласно которому ведические тексты (сама Ригведа, Брахманы, Араньяки, Кальпасутра) представляют собой кодифицированный корпус, тексты которого создавались в разное время и разными школами. Несмотря на это, по его мнению, в них отложилась подлинная историческая информация, позволяющая при внимательном их изучении, и в особенности, при сопоставлении с «Авестой», выявить факты о материальной культуре, институтах общества, общественном сознании и идеологии индоарийских пришельцев, а с привлечением лингвистики составить представление о характере их взаимоотношений с аборигенным населением.

В осмыслении автором пуранических генеалогий наше внимание привлек этноним *haihayas* (с. 40), который показался нам близким засвидетельствованному в античной традиции названию эллинов *ahaioi*, древнейшая форма которого реконструирована лингвистами как *ahai(F)oi*. Последнее, при условии верности сделанного наблюдения, представляется весьма важным с точки зрения возможного присутствия в составе мигрантов в Индию каких-то фрако-греческих языковых групп, указания на что отложились, с одной стороны, в информации, согласно которой среди них находились *Bhrigu*, а *haihayas* были

ветвью рода ядавов (*Yadu*), и с другой – в убежденности античных авторов, в частности, Страбона и Диодора, в том, что древнейшим названием Аттики являлось название *Iada*. Во всяком случае вопрос об ариях, которые мигрировали и расселились на северной периферии Индостана до прихода туда же ариев, «Ригведы» (например, *turvaca*), как нетрудно убедиться, требует своей разработки со стороны специалистов.

Относительно хронологической глубины информационного поля «Ригведы», Р. Коччар в отличие от своих отечественных и зарубежных коллег предлагает решение, основанное на датировке времени упоминаемой в «Махабхарате» битвы Бхаратов 900 г. до н.э., что позволило ему с учетом представленных в Пуранах генеалогий вычислить не только время жизни первопредка ведийских ариев Икшваку, но и достаточно аргументированно обосновать мнение, согласно которому временной диапазон ее мандал охватывает 1700–900 гг. до н.э. (с. 16–22, 220). В дополнение к этому автор датирует время Кришны и Пандавов нижней границей установленного им хронологического диапазона, тогда как время Рамы – 1450 г. до н.э., а годы жизни первооснователя Икшваку отодвигает к 2600 г. до н.э., что вполне соответствует развиваемой им теории смешения населения поздней Хараппы и мигрантов индоариев (с. 57).

Исходя из принципа, согласно которому история человечества – это история его переселений, Р. Коччар попытался разрешить вопрос о следах миграций в данных археологии. И хотя ученый, как свидетельствуют его оценки, понимает невозможность прямых сравнений свидетельств разнотипных источников, прежде всего «Ригведы» и археологии, он, тем не менее, проецируя исследовательский луч на археологические культуры степной Евразии эпохи энеолита–бронзы, сумел сконцентрировать расширяющийся диаметр образованного им конуса на самых важных показателях, начиная с domestikации лошади, появления колесных повозок и колесниц, металлургии бронзы и укрепленных городищ, позволивших предложить новое понимание исторической информативности анализируемой им источниковой базы в целом, а вместе с ним наметить основные этапы и хронологию арийских миграций в Северо-Западную Индию.

Вывод автора, проливающий свет на используемую им методологию, вполне соответствует современному состоянию научных знаний по данному вопросу. По мнению исследователя, важнейшими признаками выступают новые технологии и керамические стили. Но если первые, как полагает Р. Коччара, служат показателем хронологического порядка, то стили керамики персонифицируют материальную культуру своих носителей. Однако введение новых

технологий, связанных с появлением носителей новых культур, в оценке ученого, происходит весьма sporadично и редко. Гораздо чаще, считает он, мигранты обнаруживают себя в изменении стиля самой своей новой культуры, но технологическую инфраструктуру перенимают, как правило, у своих предшественников (с. 60). В доказательство данного тезиса он анализирует культуру Мергары, историю носителей которой он разделяет на восемь этапов с подпериодами (7000–5000, 5000–4700, 4700–4000, 3900–3500, 3500–3200, 3200–3000, 3000–2800, 2700–2300, 2300–2000 гг. до н.э., отмечая ее постоянное расширение в пространстве полуострова Индостан. Ранние памятники цивилизации Хараппы автор определяет временем 4000–3500 гг. до н.э., а ее расцвет относит к 2500 г. до н.э. (с. 67). Время упадка Хараппы исследователь определяет по косвенным данным – упоминаниям страны Мелухха в источниках Месопотамии времени III династии Ура (2130–2020) и последующей династии Ларсы (2020–1770 гг. до н.э. (с. 71). Наконец, фазу Поздней Хараппы, памятники которой сконцентрированы, главным образом, в Пенджабе, Синде и Харьяне, наш автор определяет временем 2000–1300 гг. до н.э., полагая что в северной Индии ее носители, смешавшись с культурой серой расписной керамики, дожили до 850–400 гг. до н.э. (с. 74–76, 83).

В данных лингвистики он также находит факты, представляющие интерес с точки зрения полемики между автохтонистами и миграционистами. Это прежде всего раскрывающие структуру взаимовлияний связи индоарийского языка с иранскими и финно-угорскими, контакты, доказывающие обитание их носителей по соседству друг с другом и их родство большинству европейских языков, проявляющееся в сходстве ритуала и мифологии (с. 89–117). В качестве серьезной отличительной особенности ригведийских и авестийских ариев Р. Коччар называет два показателя: культ коня и культ Сомы/Хаомы. Вместе с тем, полагая, что цивилизация долины Инда проявляла континуитет до 2000 г. до н.э., после чего уступила место позднее-хараппской культуре, он склонен рассматривать формирование языка ведических ариев-санскрита как в связи с ассимиляцией ее носителей (которые не были ни индоевропейцами, ни дравидами), свидетельством чему служат отображенные в гидронимии и названиях флоры и фауны языковые заимствования, так и в связи с импульсом, распространившимся из Западной Азии, показателем которого выступает перечисление основных божеств Ригведы в хетто-митаннийском мирном договоре (Митра, Варуна, Индра, Насатъя (Ашвины)). В подтверждение своего мнения он опирается на факты, свидетельствующие о большей древности западных поселений индоариев по сравнению с восточными, а

также на то, что поселения бронзовой культуры Индской цивилизации древнее тех, которые названы в Ригведе, а города, упоминаемые в Махабхарате, – древнее, чем в Рамаяне. Констатация факта невозможности идентификации эпических индийских рек с современной гидросистемой Индостана и запутанности в астрономических определениях, абсолютизируемых разными исследователями разных астрономических датировок, динамика и тенденция развития цивилизации Хараппы, а также невозможность определения на современном этапе исследовательского поиска природы и языка хараппской письменности – все это, по мнению ученого, доказывает, что *Индия не была ни колыбелью, ни действительной прародиной ведийских ариев* (с. 221).

Особый интерес представляет логика рассуждений автора как в отношении прародины ИЕ племен вообще, так и мест обитания носителей индоиранской языковой общности в частности. Опираясь на труды российских и зарубежных исследователей проблемы (Д. Энтони, Дж. Мэллори, Е. Е. Кузьминой, В. М. Массона, В. И. Сарияниди и др.), автор рисует вполне приемлемую гипотетическую картину идентификации археологических культур степей Евразии эпохи бронзы с этнолингвистическими общностями ИЕ племен (культура Средний Стог (4500–3500 гг. до н.э.), из которых к индоиранцам он относит носителей ямной (3500–2800 гг. до н.э.), катакомбной (2800–2200 гг. до н.э.), срубной (2000–1500 гг. до н.э.), афанасьевской (III тыс. до н.э.) и андроновской (на петровской и алакульско-федоровской стадиях своего развития (1900–1700–1500 гг. до н.э.) (с. 150). Ее можно оспаривать. Скажем, никакого внимания автором не отведено значительному месту, занимаемому в формировании этноса ариев абашевской историко-культурной общностью. Однако защищаемый тезис можно объяснить как ссылки на труды, опубликованные до середины 90-х гг. прошлого века, так и sporadического порядка отбором им специальной литературы по интересующему вопросу.

Картина происхождения ведических ариев и их миграции в Индию представляется автору следующим образом. Сначала ПИЕ образовали доисторическую общность в степях к северу от понто-каспийского междуморья, представители которой domestичировали дикую лошадь. Со временем они стали делиться на отдельные дисперсные группы, ускорителем чего стало освоение палеометалла, верховой езды и изобретение боевых колесниц. После этого отдельные группы еще не разделенной индоиранской общности в 2000 г. до н.э. продвинулись к югу от степей Евразии и распространились в Средней Азии, Иране и Афганистане вплоть до р. Инд. Далее произошло слияние неригведийских Ариев с пост-городскими носителями поздней Хараппской культуры, а

это, в свою очередь, привело к развитию самых разных фаз в развитии культуры поздней Хараппы вообще, что иллюстрируется, в частности, знаменитым некрополем Н в Пенджабе. В 1700 г. до н.э. в Южный Афганистан, район между Хельмандом и Аргандабом, проникла другая группа индоариев, жречество которой и создало гимны Ригведы. Позже, около 1400 г. до н.э., ригведийские арии продвинулись в среднее течение р. Инд. На этом этапе они, расселяясь из западной части междуречья Ямуны и Ганга, около 850 г. до н.э. столкнулись с носителями культуры «серой керамики» и, ассимилировав их, распространились по территории Пенджаба. Отраженное в сказании о Рама широкое расселение ведийских ариев в долине Ганга, начавшееся в эпоху раннего железа, имело своим следствием распространение эпической поэзии, религиозных верований и названий рек (с. 222).

На этом основании автор полагает возможным датировать эпическую битву потомков Бхаратов 900 г. до н.э. (с. 53). Более того, он убежден в том, что предлагаемая реконструкция событий самодостаточна не только с точки зрения лингвистики и археологии, но и представляет базу для объяснения географических реалий, отраженных в литературной традиции Древней Индии. Автор высказывает убеждение в том, что если предлагаемая им трактовка выдержит проверку временем, то тогда использование генеалогических списков Пуран, принимаемых с доверием, позволит локализовать арийскую прародину в Евразийских степях. Заключительное резюме автора таково: «Вторая волна миграций после 2000 г. до н.э. принадлежит к другому типу. Первая волна не-ригведических, но разговаривающих на индийском племен модифицировала существовавшие [ранее автохтонные] культуры, тогда как вторая – заключала в себе племена Ригведы, установивших [в Северо-Западной Индии] свое культурное господство» (с. 224). Впрочем, Р. Коччар считает верным утверждать о приходе ариев в Индию с Запада от ее границ и евразийскую «прописку» детально не рассматривает, хотя на основании составленных им генеалогических таблиц и допускает возможность проживания пуранических вождей в степях Евразии (с. 223).

Но само доказательство необходимости использования пуран в качестве достоверного источника нам представляется весьма важным, и притом в двух отношениях. Во-первых, с точки зрения локализации первоначального очага индоариев. Во-вторых, с точки зрения хронологии, дающей поразительные результаты. По существу, Р. Коччар самостоятельно пришел к тем же самым заключениям, которых на иной источниковой базе и в отношении иной, но родственной проблемы – реконструкции прихода праэллинов на Балканы, – не так давно достигли

А. А. Немировский и А. А. Молчанов, разработавшие принципы реконструктивной генеалогической хронологии. Такая же работа, как свидетельствует рецензируемый труд, была независимо проделана и индийским ученым. Иными словами, это означает, что древние индийцы, аналогично своим собратьям по былой общности – эллинам, рассматривали битву Бхаратов в качестве осевого разграничительного времени между своей древней и новой историей (в качестве такового древние греки считали время Троянской войны).

Приводимые автором исчисления опираются на представление, согласно которому поколение занимает продолжительность в 18 лет (с. 43). Напомним, что, по Геродоту, аналогичное представление расширяло временной диапазон жизни одного поколения до 33,5 лет. В связи с этим Р. Коччар и производит расчеты, позволившие ему, с одной стороны, отталкиваясь от 856–900 гг. до н.э. (битвы Бхаратов) и опираясь на генеалогии Пуран, установить время жизни Рамы, отстоящим от нее на 30 поколений, а время существования основоположника ведийских ариев Икшваку – на расстоянии 64 поколений уже от самого Рамы (с. 52). Кроме того, ему удалось привести указанный рубеж в соответствие с временем правления создателя империи Маурьев – царем Чандрагуптой (т.е. до 320 г. до н.э. в оценке автора). Итоговый результат автора таков: Кришна (И Пандавы) – 900 г. до н.э. (по астрономическим данным – битва Бхаратов состоялась 4 октября 955 г. до н.э. или 4 июля 857 г. до н.э.), Рама – 1450 г. до н.э. и Икшваку – 2600 г. до н.э. (С. 55–56). Автор, к сожалению, никак не объясняет, почему он остановил свое внимание на цифрах 16–18 лет, но полученные им результаты показывают на его стремление связать годы жизни Рамы с 1450 г. до н.э., что вполне вписывается в предлагавшуюся ранее в индологии традиционную датировку времени формирования ведийской культуры в Индии XV в. до н.э., а также соответствует его трактовке расцвета культуры Хараппы (XXVI в. до н.э.) и исходу индоиранцев в Индию, начало которому, если следовать заданным им параметрам, он усматривает в 2592 г. до н.э. Но еще более показательными, как нам представляется, служат исчисления, которые на основе методики индийского и отечественных ученых можно произвести, опираясь на представление о продолжительности жизни одного поколения, по Геродоту. В последнем случае расчеты дают следующий результат: время Рамы – 1905–1861 гг. до н.э., а время Икшваку – 3044–3000 гг. до н.э. (если счет вести от битвы Бхаратов) или 4049–4005 гг. до н.э. (если считать от Рамы). На наш взгляд, эти даты ближе к исторической реальности, зафиксированной как археологией, так и древнейшими ведическими гимнами. Но самое важное наблюдение автора состоит в оп-

ределении присутствия ариев в Северо-Западной Индии, начиная с 2000 г. до н.э. (с. 193), когда они вступили в контакт с носителями культур Поздней Хараппы, и, взаимодействуя с ними, создали к 1700 г. до н.э. ту социально-политическую организацию, этнос, язык, культуру и идеологию, которые и стали синонимами нового, Ведического периода истории Древней Индии.

Подводя итоги, следует особо подчеркнуть, что концепция, предлагаемая в рецензируемом труде вполне соответствует современному состоянию научных знаний относительно процессов заселения Индии индоариями на рубеже III–II тыс. до н.э., ка-

сается ли это утверждения о том, что племена Ригведы не только не первые индоевропейцы, но и не первые арии в Индии или мнения относительно формирования ведических этносов именно на ее территории. На основании синтеза результатов системного анализа разнотипных источников Р. Коччар, как нам представляется, сумел представить весьма аргументированное изложение происхождения, этногенеза, миграции, географии и начальных этапов истории ведических племен после их прихода в Индию. Это его качество заметно выделяется на фоне исследований данной проблемы в индийской, европейской и отечественной ригведологии.

Воронежский государственный университет

Писаревский Н. П., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира

E-mail: deanary@hist.usu.ru

Тел.: 8(473) 239-39-35

Voronezh State University

Pisarevsky N. P., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Archaeology and Ancient History Department

E-mail: deanary@hist.usu.ru

Tel.: 8(473) 239-39-35